

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Одна из нас
лишняя*

ТЕЛЕКРАНИУМ
САМАЯ
ЕО АКТИВНОСТЬ

100

Марина Сергеевна Серова
Презент для певицы
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125497

Одна из нас лишняя; Презент для певицы: Повести: Эксмо; М.: 2004

ISBN 5-699-08336-7

Аннотация

Я, Евгения Охотникова, работаю только на себя и ни под чей контроль попадать не желаю.

Натерпелась я от бездарных в основе своей командиров. Я придерживалась этого правила всю свою сознательную, непродолжительную, но насыщенную событиями жизнь. Так было до того злополучного дня, когда мне предложили провести охранное мероприятие в содружестве с частным агентством «Баррикада»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Презент для певицы

Глава 1

Больше всего на свете я ненавижу три вещи: пить в одиночестве, безопасный секс и когда постоянно капают на мозги, мешая тем самым выполнению задачи, поставленной передо мной.

Я, Евгения Охотникова, работаю только на себя и ни под чей контроль попадать не желаю. Натерпелась я от бездарных в основе своей командиров. Я придерживалась этого правила всю свою сознательную, непродолжительную, но насыщенную событиями жизнь. Так было до того злополучного дня, когда мне предложили провести охранное мероприятие в содружестве с частным агентством «Баррикада». Не знаю теперь, что сумело поколебать мои принципы. Наверное, это было желание после долгого затишья наконец-то взяться за дело – ведь так можно и квалификацию потерять! А скорее всего (сейчас, я думаю, это было главной причиной) мне затмила разум возможность получения высокого гонорара. Одним словом, я польстилась и сунула голову в петлю.

С моей стороны требовалось полное послушание и беспрекословное подчинение координатору всех действий дан-

ной операции Сенцову Борису Борисовичу. За время нашего короткого общения я поняла только одно: я отдана в рабство мерзкой личности. Этот зануда своей монотонной речью мог усыпить стадо бешеных слонов.

Вся суэта происходила вокруг одного человека – Романа Парфенова. Бизнесмен чем-то насолил мафии, – должно быть, вовремя не поделился прибылью, и теперь за ним без усталости велась охота с применением всех видов стрелкового оружия и всевозможных взрывчатых веществ. Но пока Роману Викторовичу везло. Хотя кто знает? Наверняка все самое интересное еще впереди.

Я должна была постоянно находиться возле клиента, сопровождать его во всех поездках, на всех приемах, вечерах и презентациях. Так сказать, девушка для босса. Этакая длинноногая, смазливая и безотказная шлюшка.

Парфенов принадлежал к категории бабников. Его гиперсексуальная натура не давала покоя не только ему самому, но и всем знакомым дамам Романа Викторовича.

Ко мне он тоже пытался найти подход, путь к сердцу, так сказать. Который в его представлении начинался с определенной части женского тела. Его руки несколько раз оказывались на моих коленях – залезть под юбку своей спутнице в присутствии посторонних людей для него не составляло никаких проблем. Этот трюк мог пройти с другими, но только не со мной. И поэтому всякий раз Парфенов получал от меня вежливый отказ в виде кулака, угрожающего его физио-

НОМИИ.

– Расслабься, крошка! – говорил он, разводя в изумлении руками. – Откуда ты такая взялась, недотрога?

– От папы с мамой, – отвечала я.

Поспешу заметить, что эта самая крошка выше своего работодателя, по крайней мере, на голову.

Но отвлечемся от ненужных подробностей и перейдем, так сказать, к сути дела.

Осень подарила людям в начале октября теплые деньки и вечерочки. Безоблачная, безветренная погода установилась, казалось, навсегда. Люди с удовольствием совершали бесконечные прогулки по паркам, аллеям, проспектам.

В один из таких дней на Театральной площади должно было состояться торжественное открытие новой гостиницы. Финансировала проект группа предпринимателей, в том числе и Парфенов. Ждали приезда высокопоставленных чиновников из различных министерств области, вплоть до вице-губернатора. Мы в связи с покушениями на Парфенова постарались ограничить до минимума время его пребывания на приеме. Я говорю «мы», хотя от меня почти ничего не зависело. Я имею в виду ту часть, которая касалась планов организации безопасности, предложенных агентством «Баррикада», вернее, его руководством. Перед поездкой Сенцов проводил со мной инструктаж.

– Охотникова, главное – не рыпайся без повода, – предупредил он, наставив на меня портативную рацию и грозя

ею мне, словно маленькой девочке, послушавшейся родного отца. – Без самодеятельности попрошу. Вокруг будут наши люди, если что, они вас прикроют. А ты там развлекайся, пей шампанское, можете даже один танец себе позволить, – он улыбнулся, радуясь собственному остроумию.

– Тогда уж пусть ваши люди, – на двух последних словах я сделала акцент, – пьют, развлекаются и танцуют с этим боровом.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица, и он в негодовании произнес:

– У тебя контракт! Так что не дергайся! Поняла? – Я утвердительно качнула головой. – Так-то лучше. Все, инструктаж окончен.

– Я могу в любой момент расторгнуть контракт. Это вы не предусмотрели? – спросила я и вернула на место свалившуюся с плеча лямку вечернего платья с глубоким вырезом.

– Останешься тогда без денег. Обещаю тебе огромные трудности с получением очередных заказов, – парировал он, переходя без лишних церемоний прямоком к угрозам.

– Проживу как-нибудь и без вашего вознаграждения. И пугать меня тоже не надо. Репутация моя давно уже сложилась. Отзывы положительные, профессионализм налицо, – это было несколько дерзкое заявление, я бы даже сказала, вызывающее.

Наши препиранья могли продолжаться до бесконечности. Но в спор вмешался, как всегда вовремя, Парфенов. Он вы-

шел из своей комнаты с кучей галстуков, они висели у него на руке, и жалобно заскулил:

– Я не знаю, какой галстук больше подходит к моему новому костюму. Это же катастрофа, – подошел к зеркалу и стал прикладывать их один за другим, ища подходящий. – Какая безвкусица! – крикнул Парфенов и отбросил в сторону с ужасом и омерзением, будто извивающуюся у него в руках змею, очередной галстук, зеленый с темно-красными разводами. Я не собиралась ему помогать. Парфенов повздыхал-повздыхал и снова начал перебирать галстуки.

Темно-синий «Ауди» босса в сопровождении еще двух автомобилей с охраной приближался к месту сбора местной элиты. В салоне, кроме нас с Парфеновым и водителя, находился еще и Сенцов. Он постоянно поддерживал связь с остальными телохранителями. В принципе, дело они свое знали, выполняли его на должном уровне, придаться пока было не к чему.

– Я выгляжу в этом как последний идиот! – злился Парфенов. – Он мне никогда не шел и тем более немного узковат. Портной – старик, ошибся в размерах.

– Ну и где же теперь могилка его? – поинтересовалась я.

– Черный юмор, да? – ехидно заметил Парфенов.

Я все-таки заставила его надеть смокинг с бабочкой да еще бронежилет, легкий и, должна заметить, малоэффективный. Пистолетную пулю он еще как-нибудь выдержит, но против «калашников» не устоит.

Мы специально немного опоздали. Открытие, торжественно обставленное, в присутствии членов правительства – эта гостиница была рассчитана на прием иностранных гостей – уже состоялось. Мы подкатили с противоположной стороны здания и через черный ход прошли внутрь. В служебном лифте поднялись на самый верх. В длинном коридоре я никого не заметила. Наверное, это охрана позаботилась оградить Романа Викторовича от нежелательных контактов. Вариант на случай, если придется уходить, представлялся таким: быстро покинуть помещение этим же путем, оказаться во дворе, а там на машинах убраться поскорее с места кровопролитных боев. Но был еще запасной вариант. О нем знали только я, Сенцов и два человека из охраны: уходить в противоположную сторону, к грузовому лифту.

В банкетном зале веселье было в полном разгаре. Высокоставленные чиновники разгуливали под ручку с молоденькими симпатичными спутницами, некоторые пришли с женами – этим беднягам уже как следует не разгуляться. Предприниматели, друзья, бывшие и нынешние конкуренты и противники, пили на брудершафт и смачно целовались. Быстро, как я погляжу, они разделались с официальной частью.

Эффект неожиданности сработал, и гости были удивлены внезапным появлением Парфенова. Откуда ни возьмись нарисовался какой-то гражданин, обрюзгший и с красным, отливающим синевой носом. Ребята среагировали молниенос-

но. Вмиг со всех сторон обступили его и зажали в кольцо, начали теснить к выходу, но тот запротестовал.

– Рома, скажи ты им, что я твой старый друг. Просто поспешил тебя поприветствовать. Ну, скажи.

– Старый или не очень – это мы еще выясним. А вот поприветствовать и выразить почтение, так это можно, – Парфенов жестом руки приказал его отпустить.

– Так-то лучше, – сказал субъект, поправляя смокинг, и, ринувшись к Парфенову, стал его обнимать и лобызать. – Рома, ты куда пропал, мы ведь с женой тебя столько времени ждем в гости, а ты так и не соизволил появиться?

Парфенов брезгливо вытер лицо и ответил:

– Дела, Костя, дела. Сейчас никак не могу. Поверь мне.

– Какая жалость, – Костя вдруг сразу погрузился, но тут же встрепенулся и выпалил: – Ну да ладно. Как-нибудь в следующий раз. А мы ведь грешным делом думали, что ты и не появишься.

Этот человек, Константин Мальцев, по прозвищу Беспалый – у него отсутствовали указательный и средний пальцы правой руки, – был партнером Парфенова, одним из группы тех самых предпринимателей, которые финансировали строительство гостиницы.

Дальше все шло по сценарию. Я, послушная Борису Борисовичу Сенцову, пила шампанское, ела икру, черную и красную. И еще танцевала с клиентом, с Романом Викторовичем. Двигался, надо отдать ему должное, он превосходно.

– Вы обворожительны, Женя, – шептал мне на ушко старый ловелас. Да! Парфенову было уже шестьдесят с небольшим, но он всеми способами старался выглядеть моложе своих лет.

Он продолжал:

– Роковая женщина, очаровательный душистый цветок. Какая стать, какая грация, – и его ладонь с моей талии скользнула вниз к бедру. Я легко положила ее обратно и посмотрела на него с упреком: старый, а все туда же, в погоню за свеженьким. Это просто оскорбительно, сама мысль мне отвратительна.

– Продолжайте лучше говорить мне комплименты, а вот к действию переходить не советую, вам же накладно будет. Сколько потом уйдет средств на оплату услуг пластических хирургов, – предупредила я Романа Викторовича.

– Что вы, что вы, Женечка, – заюлил он, ища пути для отступления, – первый и последний раз.

– И совсем он не первый, этот раз, – мне надоело вести эти сладкие, приторные разговоры, и я отрезала: – Надеюсь, что последний, полагаюсь на ваше слово. Иначе мне придется полагаться только на свой кулак, если уж мужчины в наше время не держат обещание.

Вдруг я заметила движение в рядах охраны. К нам подошли двое телохранителей, и тот, что был постарше, коротко обрисовал сложившуюся ситуацию:

– Вероятно, наемный убийца находится среди гостей, а

может быть, их даже несколько, – его голос звучал сухо, ни капли эмоций, ни намека на панику. – Действуем по плану номер два. Уходим немедленно, но как можно тише и незаметнее.

Эти двое и являлись теми охранниками, которые были осведомлены о запасном варианте. Я незамедлительно последовала приказу убраться восвояси. Мы проследовали до двери, скрывающейся за колоннами. С обеих сторон от нее отходили широкие лестницы с массивными перилами. Приглашенные продолжали веселиться, а для нас вечер закончится, по-видимому, головной болью, и отнюдь не от похмелья. Теперь нас с Парфеновым ожидают лабиринты коридоров и хлопающие с силой двери, словно ворота преисподни. Последний ужасно длинный коридор, крутой поворот – и все мы выходим, как говорится, на финишную прямую. Я вижу перед собой двери лифта, остается нажать на кнопку, забраться в его тесное логово и ждать счастливого приземления на первом этаже. Когда мы проходили очередной закоулок, ответвлявшийся в правую сторону, я, как только поравнялась с ним, заметила боковым зрением какое-то движение и повернула голову в ту сторону. Там стоял человек, в руках у него был «калашников».

Не спеша, словно в замедленной съемке, как мне показалось, он поднял ствол. Холодное чрево подарило нам сразу несколько десятков стальных мини-боеголовок. Я шла по левую руку от Парфенова, телохранитель постарше прикрывал

его спину, а молодой охранник оказался как раз на линии огня с правой стороны. Первая пуля раздробила ему локтевую кость, а затем удары приняли грудь, живот, шея. Я обхватила Парфенова и толкнула его вперед, сзади бежал второй телохранитель. Молодой уже лежал на полу, и его тело продолжало конвульсивно вздрагивать.

Перпендикулярно коридору, по которому мы бежали к лифту, шел еще один. Я с Парфеновым спряталась за одним углом, охранник – за другим. Мы могли видеть друг друга и переговариваться. Я приподняла юбку, чтобы достать свой «макаров». Он висел в специальной кобуре под коленом.

– Вызывай лифт, – заорал мой напарник, стараясь заглушить автоматную очередь.

Убийца вышел из своего укрытия и направился в нашу сторону, стреляя на ходу. Куски известки отлетали от стен, осыпая нас белой пылью. Я нажала кнопку, вернее, несколько раз ударила по ней, пока не загорелся красный огонек. Двери наконец распахнулись, и я, схватив Парфенова в охапку, прикрывая собой, втолкнула в кабину. Этот раб страха был полностью подвластен моим движениям, будто размякший в горячих руках пластилин. Телохранитель встал между нами и убийцей и до боли жал на курок своего «маргулина». Неожиданно появился еще один убийца. Оказывается, исполнителей заказа было двое. Вторым убийца встал на колени и поддерживал своего напарника огнем. Двое против одного – это нечестно.

– Лежать и не высовываться, – крикнула я Парфенову, прижимая его к полу.

В это время телохранитель упал на спину и как раз в дверях лифта. Его мертвое тело мешало им захлопнуться до конца. Мне пришлось подняться и, отстреливаясь, втащить покойника внутрь. При этом мою левую руку дважды обожгла, буквально пронзила страшная боль. Одна из пуль застряла в плече. Металлические створки наконец-то сомкнулись, но несколько пуль все же прошли двери лифта, ничто не помешало им. И в этот момент с пола вскочил Парфенов. Я и ползлука не успела издать. Те пули, что попали ему в грудь, застряли в бронежилете, но одна, самая сообразительная, угодила бизнесмену прямо в лоб. Он упал на колени, постоял несколько секунд, а потом рухнул лицом вниз. Мне тоже досталось – в правом боку полыхала боль, словно лесной пожар, но мне было не до этого. Я первый раз в жизни не знала, что делать дальше.

Двери распахнулись на первом этаже. Охранники, увидев такую картину, просто опешили. Сквозь скопление людей протиснулся в кабину Сенцов. Он приблизился к боссу, перевернул его на спину и убедился, что он мертв. Затем посмотрел на меня. Я сидела, прислонившись здоровым плечом к стенке лифта. В глазах Сенцова читались то отчаяние, то ненависть. Наконец он заорал на своих подчиненных во все горло:

– Чего смотрите! Живо оцепить здание! Чтобы даже

мышь не проскочила! – Сенцов нагнулся ко мне и произнес почти шепотом: – А с тобой у нас разговор будет особый.

И что это он так разошелся? Нечего все списывать на меня. Тех, кто знал о запасном варианте, осталось двое. Сенцов и я, Охотникова.

Глава 2

– Записываем? – поинтересовался с некоторым нетерпением корреспондент Тарасовской Государственной телерадиокомпании Скоровский. Он переминался с ноги на ногу, держа микрофон в вытянутой руке. – Давайте начинать поскорее, – не унимался Скоровский. – А то я здесь топчусь, понимаешь, без дела, и люди думают обо мне бог знает что. На самом деле – просто замерз.

Он демонстративно выдохнул. Через открытый рот пошел пар. Такой, который бывает только в стужу. Но несмотря на холодный северный ветер, мелкий дождь и повышенную влажность, народ высыпал на главную площадь города.

От холода людей не спасали осенние пальто, кожаные куртки и высоко поднятые воротники. Ветер без особого труда забирался внутрь через рукава, обхватывал шеи своими ледяными руками, причем рук ему хватало на всех.

Митинг был организован лидерами профсоюзов. К нему долго готовились и, наконец, получив разрешение, собрали рабочих всех крупных заводов Тарасова. Всему этому предшествовали забастовки на рабочих местах, голодовки и акции протеста. Люди были недовольны невыплатой зарплаты – задержка уже превышала полгода, – а также ее уровнем, не сочетающимся с уровнем стоимости потребительской корзины.

И все эти шесть месяцев – полное игнорирование властями требований рабочих, отсутствие более или менее правдивой информации в выпусках местных новостей.

– Скоро вы там? Ну чего возитесь? – уже возмущенно прогремел Скоровский. Журналист, устав ждать, нервно передернул плечами. Оператор, не обращая внимания на его реплики, искал нужный ракурс. Выбрал, наконец, подходящий и остановился на нем.

– Готово! Можно начинать, – крикнул он.

– Да что вы, я ведь могу еще подождать. Мне не впервой, – ехидно заметил Скоровский. – Какой непрофессионализм, – добавил, еле сдерживая себя.

– Рома, поправь пробор – немножко пригладь волосы на правую сторону, – пытаюсь успокоить его, сказала Юля, ассистент оператора.

Он что-то буркнул себе под нос и коснулся своих волос цвета воронова крыла. Этому замечанию он не мог не придать значения. Черная шевелюра как нельзя лучше дополняла весь его облик. Смуглая кожа, правильные черты лица, нос – немного широковат и с горбинкой. А черные глаза, от которых сходили с ума все женщины, когда-либо работавшие с ним, идеально гармонировали со смоляными волосами.

– Хватит прохлаждаться, – решительно заявил Роман Скоровский. – Нужно работать, а то и так много времени потеряли.

– Не знаю как ты, Рома, я уже давно готов. Словно пионер, – возразил ему оператор.

– Сегодня он что-то не в духе, – шепнула на ухо своему начальнику ассистентка Юля.

– Сегодня двадцать пятое октября, – начал Скоровский. – Начало Великой Октябрьской социалистической революции по старому стилю. На площади собрались на митинг люди в поддержку своих прав. Рабочие самых известных заводов города, предприятий, когда-то составлявших гордость всей страны. Горячие и эмоциональные выступления лидеров профсоюзов могут разжечь патриотические чувства, но согреть людей от холода у них вряд ли получится...

На сколоченном впопыхах помосте, напоминавшем платформу, с трибуны раздавались агитационные возгласы представителей профсоюзов, отдельных рабочих и лидеров стачечных комитетов. Ораторы быстро сменяли друг друга, отделяясь лишь плакатными лозунгами, но ничего конкретного не предлагалось. Толпа откликалась звучным эхом, то одобряя выступавшего, то напрочь с ним не соглашаясь.

Для обеспечения и поддержания порядка было выделено пять автобусов с ОМОНОм, два – с курсантами училища МВД имени Дзержинского и около пятнадцати оперативных машин – с сотрудниками из прилегающих к площади участков милиции. Они с трудом сдерживали массы людей, разлившиеся, словно горный поток, на огромную территорию. Скверик у площади был забит до отказа. Милиция даже сни-

мала смельчаков с деревьев. Один из митингующих попытался залезть на памятник героям революции, но был буквально за ногу свергнут со своего пьедестала и препровожден в отделение.

За происходящим с любопытством и со всем своим бронзовым вниманием наблюдал дедушка Ленин, указующий своим оттопыренным пальцем в вечность, в бесконечность со знаком минус; да еще вечный огонь у того самого монумента защитникам завоеваний Октября; да серое, пасмурное небо, все в свинцовых тучах, набухших от переизбытка влаги.

Вдруг толпа забурлила, слышались отдельные возгласы, раздались аплодисменты, и на трибуну поднялся мужчина лет пятидесяти, чуть повыше среднего роста, крупного телосложения. Он был невероятно широк в плечах, а руки у него были могучие, как у сталевара или шахтера. Лицо, словно высеченное из цельного куска гранита; тяжелые надбровные дуги как бы загоняли глаза глубоко внутрь. Его еще долго бы приветствовали, если бы он не поднял руку. В одно мгновение шум стих, и в наступившей столь молниеносно тишине раздался голос, усиленный мощной аппаратурой – динамики были установлены по всему периметру площади.

– Камеру на него, быстро. Снимай, Паша, снимай, – приказал своему оператору Скоровский, а потом стал комментировать выступление.

– Уважаемые телезрители, сейчас вы наблюдаете, можно

с уверенностью сказать, кульминацию всего происходящего здесь, выдающегося и, по-видимому, надолго запоминающегося события. Речь держит представитель национал-рабочей партии в нашей губернии Блаженнов Виктор Михайлович. Он не так давно вступил в предвыборную борьбу за место в областной думе.

Блаженнов выступал минут двадцать. Занимался обычной предвыборной агитацией. Клеймил нынешнюю власть, доказывал преимущество программы своей партии перед конкурентами. Всячески старался использовать массовое собрание в своих целях. Людей подкупала ясность его речи, без лишних литературных выкрутасов; его кажущиеся на первый взгляд открытость и откровенность. Закончил выступление он призывом голосовать за него и пожелал рабочим удачи в борьбе за свои права.

– Не уступать им ни в чем и ни шагу назад! НРП с вами! – произносил Блаженнов четко каждое слово, словно хотел поднять дух бойцов перед отправкой на фронт.

– Теперь можно расслабиться, – сказал Скоровский, посмотрев вслед удалявшемуся Блаженнову, которого со всех сторон прикрывали телохранители, они оглядывались по сторонам, ища в толпе подозрительных субъектов. Роман, убирая микрофон, добавил: – Самое интересное позади. Больше ничего примечательного, думаю, не случится. Можете сворачиваться, – посоветовал он своей съемочной бригаде, расположившейся на небольшом пяточке возле платфор-

мы.

– Не понимаю, почему Пономарев не пускает нас в прямой эфир?! – с негодованием воскликнул Павел, выключив камеру. – Такое происходит у нас в городе, а телевидение молчит.

– А ты что, надеешься, что эта запись пойдет в вечерних новостях? – Корреспондент Скоровский усмехнулся, обреченно покачал головой. – Снова ведь ляжет на полку. Пономарев всего лишь руководитель нашей программы новостей. Есть еще начальство повыше, его воля – закон.

– Мы как будто находимся в искусственно созданном кем-то вакууме, – пытался поддержать Павел диалог. – Независимое телевидение отключили местные связисты за неуплату – это раз, – он загнул указательный палец. – Первый канал и тот отключили – два. Зачем это замалчивание фактов, причем очевидных? – Оператор запустил в свою рыжую пышную бороду всю пятерню, а затем добавил: – Может быть, хотя бы справиться своими силами?

Скоровский пожал плечами и ответил:

– Не знаю, Паша, не знаю. Для меня это тоже загадка. Но, надеюсь, не навсегда.

– Как тебе Блаженков? – спросил Скоровского как бы невзначай Павел. – По-моему, мужик что надо! Таких бы побольше нам, глядишь – и страну вытащили бы из грязи.

Скоровский в шутку схватил его за грудки, слегка встряхнул. Тот стал отбиваться и выворачиваться.

– Паша! – крикнул Роман. – Не верь словам, верь жажде, как говорится в одной рекламе. Кстати, мудрые слова. Ну сам посуди, взялся он неизвестно откуда, зарегистрировался только недели за две до начала предвыборной агитации, а уже набирает обороты. Эти народные гулянья ему только на руку. Он всегда серьезно занимается проблемами простых людей, так он говорит и клянется. Еще один вопросик – откуда деньги? Копил всю свою сознательную рабоче-крестьянскую жизнь? Не поверю. Есть одно предположение... – Тут он вдруг осекся и добавил: – Не буду пока все рассказывать до конца, это еще не проверенный факт.

– Ну смотри, – разочарованно пожав плечами, ответил Павел. – Тебе лучше знать.

Разговор сопровождали раскаты грома, отдельные вспышки молний. Вдруг на людей, заполонивших площадь, хлынул дождь, но толпа и не думала расходиться. Кто накинул капюшон, кто раскрыл зонт, а кто-то набросил на голову полиэтиленовый пакет. Съёмочная группа засуетилась и забегала вокруг аппаратуры, пытаясь ее спасти, прикрывая чуть ли не своим телом.

– Быстро в машину, – кричал оператор, подгоняя нерасторопных коллег.

* * *

Родители рассказывали, что, когда я родилась, шел дождь.

Роддом находился на горе, дорогу размыло – и рейсовый автобус не смог на нее взобраться. Отцу пришлось добираться туда своим ходом чуть ли не вплавь, его едва не смыло встречным потоком. Мать рожала очень тяжело. Как подумаешь, что все эти мучения ей доставляла я – жутко становится. Когда отец преодолевал водные препятствия по дороге к роддому, то заметил воробышка, бултыхавшегося в луже. Наверное, его сорвал с ветки ливень. Перышки намокли, и поэтому он не мог улететь. Отец положил его в карман, да так и забыл про него – в роддоме он узнал, что мама лежит при смерти, но со мной все в порядке. А дома неожиданно вспомнил про своего спасенного утопающего. Воробей просох, немного попорхал по кухне и вылетел в раскрытую форточку.

Поздно ночью отцу позвонил и обрадовал врач: сказал, что с его женой – моей матерью – все будет хорошо, самое страшное уже позади. Скептики махнут рукой и скажут с долей иронии, что это было всего лишь совпадение, но я верю до сих пор, что отец спас материнскую душу. И пусть смеются надо мной и удивляются моему суеверию, я все равно продолжаю верить в это.

Всю мою жизнь теперь идет дождь. Я обречена видеть и чувствовать его до конца своих дней. Сегодня уже двадцать пятое октября. Я сижу на подоконнике в коридоре частной клиники и наблюдаю в окно конец света. Две недели, четырнадцать полновесных суток больничного ухода и заботы –

ровно столько я нахожусь здесь. Пулю из плеча удалось извлечь. Залечили меня на совесть, надо отдать должное профессионализму здешних врачей. Помогла еще и моя быстрая восстанавливаемость организма: четырнадцать дней – и я уже на ногах, через три – выписка на все четыре стороны. Доктора многочисленных мобильных госпиталей тоже недоумевали. «Скоростной метаболизм, быстрая свертываемость крови», – говорили они без внутренней уверенности в своих словах. Так было всегда, ни одна пройденная горячая точка не обходилась для меня без ранений. Помню как сейчас – я единственная женщина-снайпер в нашем спецподразделении ГРУ, полное атрофирование чисто женских чувств и эмоций. Лучше всего у меня получалось сплевывать сквозь зубы, а еще – дырять свой ремень, эдакие засечки на память. Помню того парня, его звали Виктор Новиков. Вижу, как сейчас, Витю уносят на плащ-палатке, лицо его, обезображенное взрывом, прикрыто чьей-то курткой. Каждый в группе схлопотал по одному ранению, а я ничего, еще бегала, порадовалась этому факту в душе, но вот только слишком рано. Один дом в центре города переходил из рук в руки. И после очередной удачной атаки боевиков нам пришлось его покинуть. Тут я поспешила и, как салага, напоролась на растяжку. Следствие – нога, болтающаяся только на мышцах и сухожилиях, обгоревшее лицо. Слава богу, что тогда у меня были деньги на пластическую операцию. Нами, как высококвалифицированными спецами, все-таки дорожили и делали

все возможное, чтобы не потерять нас раньше положенного срока. Через месяц я уже совершала утренние пробежки в парке вокруг госпиталя на глазах изумленных зрителей.

Я еще раз затянулась, забирая в легкие очередную порцию вредных веществ – всяческих смол и канцерогенов. Сигарета тлела уже на середине, я «стрельнула» ее в своей палате у одной дамы лет сорока пяти. Я не знаю, почему вдруг так сильно захотелось покурить. На лицо иногда попадали отдельные капли через открытую форточку. Их мерный стук о карниз успокаивал и завораживал ненадолго мой напряженный слух. По коридору ко мне со спины кто-то приближался. Я обернулась и увидела доктора, мужчину средних лет. Он возмущенно поднял брови и выпалил:

– Сейчас же закройте форточку! Вы сами простудитесь, а потом заразите мне все отделение! Если уж так приспичило, идите и травитесь вниз, в вестибюль, – и он указал мне на лестницу.

– Нет, спасибо, доктор, лучше я брошу курить, – пошутила я, улыбнулась и выбросила в форточку окурков.

Врач недовольно хмыкнул и ушел.

– Почему тетя Мила опаздывает? – спросила я дождь за окном, но он мне не ответил. – Совсем ты спятила, Охотникова, – обругала я сама себя.

Сегодня, четырнадцать дней спустя, проанализировав все случившееся в тот злополучный вечер, я так до конца и не поняла, что же пошло не так, как же я так сплеховала, что

не смогла убересть человека от смерти. Даже прикрыть собой не успела, а ведь он так этого хотел. Прочь черный юмор, Охотникова, прекрати паясничать. Теперь все шишки посыпятся на меня. Сенцов ведь предупредил, что сгноит меня на нарах. Предстоит еще долгое, нудное разбирательство... Отгадайте, кто будет главным подозреваемым? Нет, не Сенцов, конечно же, а я.

Меня лишили средств к существованию. Остались лишь неприятный горький осадок на душе да несколько шрамов на теле.

Сначала меня, истекающую кровью, привезли в областную больницу. Там я просто тихо лежала в коридоре, причем в самом темном углу, и тихо дожидалась своей смерти. Но потом, совершенно случайно, о моем несчастье узнала старая подруга отца, которая и определила меня в эту частную клинику. Как бы быстро я ни восстанавливалась, врачи внесли немалый вклад в то, чтобы поскорее поставить Евгению Охотникову на ноги.

Подругу отца зовут Анна Лагутина. Бывшая певица, звезда эстрады. Пять лет назад ей был поставлен диагноз, а точнее сказать, вынесен приговор – опухоль щитовидной железы. Правда, она была доброкачественной, и удалили ее без особых трудов и последствий. О чем это я говорю! Как же без последствий! Лагутиной запретили петь, навсегда, разумеется. Она, правда, попыталась выйти снова на сцену, но ей стало опять плохо. Лучшие светила медицины опускали пе-

ред ее болезнью руки. И Анне Петровне пришлось смириться и направить свою неистощимую энергию в другое русло. Капиталы ведь она скопила немалые. Отец много мне про нее рассказывал, ему доводилось несколько раз сопровождать ее за границу как в группе, так и одну – это себе позволить могла только она в достопамятные времена. Сейчас ей пятьдесят лет, но выглядит она по-прежнему ослепительно. Я мечтаю о том, чтобы дожить до ее лет и сохранить такую же фигуру.

Благотворительный фонд «Тереза», основанный Лагутиной четыре года назад, действует безотказно. Самый, между прочим, солидный фонд, немало сделавший для малоимущих, различных домов престарелых, инвалидов и детских домов.

Зная характер Анны Петровны, я могу с уверенностью сказать, что она не всегда делает что-то бескорыстно. Как бы не пришлось расплачиваться мне за ее доброту и внимание. Есть у меня, правда, одна мысль, рассеивающая это подозрение: я ведь не просила ее помогать мне. Мои размышления прервал тот самый доктор, который сделал мне замечание. Он подошел и сказал:

– Охотникова, вас внизу, в вестибюле, дожидается тетя. Поспешите.

От него так разило табаком, что я чуть не задохнулась.

– Спасибо, доктор, – изображая крайнюю признательность, произнесла я. – Ай-я-яй, а еще врач! – пожурила я его

и в расстроенных чувствах направилась по коридору к лестнице.

– А у меня работа нервная, – бросил он мне вдогонку, но я оставила его реплику без ответа.

Тетя сразу же забросала меня вопросами о моем самочувствии и завалила гостинцами. Этих съестных припасов хватило бы на целый батальон.

– Здесь, Женечка, фрукты, – комментировала она, доставая пакеты, банки и небольшие коробки. – Вот тут в банке пельмени. Я сварила их специально для тебя, по твоему рецепту, и фарш такой, какой ты больше всего любишь, – рыбный.

И так далее и тому подобное. Перечисление продуктов, доставаемых тетей Милой из ее бездонной, казалось, сумки, продолжалось бы еще бог знает сколько времени. Меня же больше интересовало то, что происходило за стенами этого стерильного заведения, телевизоры ведь не работали ни в одной палате. Нам говорили, что где-то неисправность в системе спутникового телевидения, но за неделю можно было вполне устранить эту злополучную неисправность.

– Тетя, не беспокойтесь понапрасну обо мне, все уже со мной в порядке, я, можно сказать, здорова, – прервала я тетю на полуслове. – Лучше расскажите, что в мире творится, а то мы тут совсем от цивилизации оторваны, и доктора ничего не хотят говорить.

– Так вы ничего не знаете? – удивилась тетя Мила.

– Нет, ну, конечно же, доходят некоторые слухи, – я даже испугалась, когда увидела широко открытые глаза тети Милы, и добавила: – Там что, третья мировая началась?

– Почти, только не мировая, а наша родная, – сказала тетья и заговорщически посмотрела прямо мне в глаза. – Люди высыпали на улицы, всюду митинги, забастовки. Просто как-кая – то вторая Октябрьская революция, – с ужасом говорила тетья Мила, вздыхая. – Не знаю даже, чем все это закончится.

– Что бы там ни говорили, а нашу страну поставить на дыбы не так-то и просто, – попыталась успокоить я тетью, но зачем-то еще добавила: – Но уж если завести как следует, то мало не покажется.

Тетья Мила махнула вдруг рукой и прошептала:

– Женя, не будем о грустном. Я же пришла сюда не для того, чтобы тебя расстраивать, а для того, чтобы поддержать.

– Какие там расстройства, тетья! О чем вы говорите! Меня через три дня уже выписывают, пора снова привыкать к действительности.

Обменявшись любезностями, мы на некоторое время замолчали, пауза явно затягивалась. Тетья долго что-то не хотела мне говорить, но потом все-таки решилась и произнесла как бы невзначай:

– Лагутина тут тебе прислала приглашение на благотворительный бал, – тетья Мила достала его из сумочки и протянула мне. Я раскрыла приглашение, прочитала общие фразы и очень удивилась, взглянув на дату благотворительного

шоу – более подходящего слова я не нахожу, – оно было назначено на тридцать первое октября, ровно через неделю я должна быть готова. Не думала, что расплачиваться придется так скоро.

Когда тетя Мила передавала мне конверт с приглашением, то слегка поморщилась. Я давно заметила, что она не выносит и на дух Лагутину по причинам, которые держала в тайне. Говорила, что она ей не нравится, а почему – объяснить так и не захотела.

– На твоём месте, – заявила тетя, – я бы ни за что не пошла. Тебя наверняка попытаются втянуть в какую-нибудь аферу.

– Я зайду туда всего лишь на минутку и выражу ей благодарность и признательность, – попыталась я успокоить тетю и немного себя.

Глава 3

В спальне, на втором этаже небольшого, но уютного особнячка, расположенного в самом престижном районе города и принадлежащего советской рок-диве, когда-то самой популярной певице всего необъятного государства, Анне Лагутиной, на кровати на черных атласных простынях возлежала сама хозяйка в махровом банном халате. Тяжелые шторы на широком окне были раздвинуты, и в комнату заглядывало звездное небо и любовалось пятидесятилетней женщиной, которая выглядела ничуть не хуже молодой девушки.

Лагутина провела ладонью по своему животу, все такому же гладкому и без единой жировой складки, как двадцать, а может быть, и двадцать пять лет назад, когда только начинался взлет на олимп славы никому не известной, но целенаправленной девчонки из богом забытого и до жути провинциального города Тарасова. Затем рука коснулась высокой упругой груди, и соски сами собой набухли, ощущая напряженное возбуждение всего тела. Анна, а по батюшке Петровна, словно большая грациозная кошка, потягиваясь, прогнула спинку, и на лице Лагутиной появилась блаженная улыбка, веки были прикрыты. «Как вам, Анна Петровна, удастся оставаться такой молодой, поделитесь, пожалуйста, своим секретом», – спрашивали ее много раз. «Никаких пластических операций, лишь труд, музыка, спорт и правильное пи-

тание», – твердила она в ответ вызубренное наизусть.

Лагутина снова лукаво улыбнулась и, облокотившись на подушку, посмотрела на дверь ванной, которая была немного приоткрыта, оттуда доносился шум воды, льющейся из душа.

– А еще молодой любовник, – произнесла она вслух, шепотом.

Резко вскочила с постели и направилась к зеркалу, не спеша запахивать халат. Резкость вдруг сменилась плавными движениями и мягкой поступью, она прошла через всю комнату, ноги утопали по самые щиколотки в ворсе ковра. Потом скинула на пол халат и уселась, закинув ногу на ногу, на пуфик перед зеркалом. Внимательно осмотрев себя в нем, провела подушечками пальцев под глазами – едва заметные морщинки, вот кто выдал так подло возраст Лагутиной. «Синие круги под глазами еще ни о чем не говорят, а если и говорят, то только о том, что человек любит весело и беззаботно проводить свободное время», – думала Анна Петровна, и от этих умственных усилий у нее на лбу даже появились складки, но она тотчас же расслабила лобные мышцы и продолжала размышлять на отвлеченные темы.

«Как же быть с этими вездесущими морщинами – вестниками старости – неизбежной и неотвратимой? Что будет дальше, когда я превращусь совсем в старуху? Михаил меня бросит и найдет себе более подходящую партию. Этот сообразительный и расторопный молодой человек ни перед чем

не остановится и пойдет на все ради достижения своей цели. И зачем только я сделала его управляющим своего благотворительного фонда?» – Она постаралась прогнать черные мысли и развеять сомнения.

– А потому что он отличный трахальщик! – выпалила Лагутина, начав жесткий диалог со своим отражением, затем изобразила на лице отвращение, продолжая разыгрывать моноспектакль. – Ты живешь инстинктами! Боже мой, как низко ты пала!

Наконец ей надоело изображать из себя идиотку в пустой комнате, да к тому же еще сидя голышом перед зеркалом. Она взяла большую кисточку со столика и слегка припудрила лицо. Лагутина поднялась со своего места, предварительно щелкнув по носу свою спутницу из зазеркалья.

– Это тебе за то, чтобы впредь не зазнавалась, – предупредила она свое отражение. – Что он там так долго возится? Сколько можно ждать? – тихо сказала она, глядя на дверь и думая о том, кто скрывается за ней. Лагутина, стоя в полный рост, заложила руки за голову и снова потянулась всем телом. Вдруг шум за дверью стих, и она в мгновение ока очутилась под одеялом на кровати.

Молодой человек лет тридцати с полотенцем на бедрах стоял в дверном проеме и еще одним полотенцем вытирал мокрые волосы.

– С легким паром, – пролепетала Лагутина, наблюдая, как подрагивают его мышцы. – Ну что же ты там стоишь, иди ко

мне, – позвала она нежным голосом Михаила.

Он ответил:

– Уже иду, – и упал рядом с ней на кровать, запрокинув голову, отдыхая всем телом.

– Какой ты влажный, – шептала Лагутина, поглаживая его грудь.

– Это элементарно, Ватсон, я ведь только что из душа, – пошутил Михаил и посмотрел на свою любовницу и работадательницу.

Она ничего не ответила, только рука ее скользнула ниже и забралась под полотенце. Долго блуждая там, но не найдя, так сказать, отклика на свои действия, Лагутина удивленно посмотрела на своего жигало.

– Когда это, Миша, ты успел записаться в краснознаменный ансамбль импотентов? – задала она вопрос прямо в лоб, грозно потрясая неопровержимым фактом.

– Анечка, мы ведь этим только что занимались, – взмолился он, требуя снисхождения.

– Хм... занимались, – Лагутина разочарованно покачала головой. – Да я даже почувствовать ничего не успела, а ты уже помчался в ванную. Отмываться. Можно подумать, что я заразная.

– Ну хорошо, если ты так... хочешь, то я попробую, – сказал он, глубоко вздохнув и пожав плечами. «Случайные связи на стороне и так выматывают и опустошают, – подумал Михаил, – а здесь еще и эта похотливая старуха покоя не да-

ет».

Одним прыжком человек перемахнул невысокий забор, приблизился к дому Лагутиной со стороны зимнего сада и огляделся по сторонам. Ни сторожевых псов, ни профессиональной охраны, ни даже дедушки со старой двустволкой.

Незнакомец снял с плеча черную сумку и поставил ее на землю. Расстегнув молнию, достал из сумки бутылку с какой-то жидкостью, после чего сразу же запахло бензином. Бутылка была плотно закупорена тканью. Он опустил ее горлышком вниз, чтобы ткань лучше пропиталась бензином, потянулся в карман за зажигалкой и поджег ткань. Человек подождал секунду, а затем, посильнее размахнувшись, швырнул бутылку в стеклянную стену зимнего сада на первом этаже. Она ударилась об пол и разлетелась на мелкие осколки, выпустив на волю огненную волну, которая тут же начала пожирать деревянные конструкции сада и экзотические деревья и кустарники.

...От сладострастных криков и стонов у Анны Петровны заложило уши, она еще сильнее сдвинула бедра, обхватив ими любовника. Эти стоны заглушили даже звон разбивающегося стекла и негромкий взрыв.

Поджигатель не торопясь обошел дом и теперь смотрел в окно гостиной. После тех же приготовлений точно такая же бутылка впорхнула, словно летучая мышь, в гостиную и раз-

билась о противоположную стену. Сейчас уже хлопок был слышен повсюду в доме, а в спальне Лагутиной, расположенной как раз над гостиной, тем более.

Она от неожиданности откатилась в одну сторону, а Михаил – в другую. И теперь они, стоя друг против друга, в недоумении хлопали глазами. Замешательство прошло быстро: за дверью спальни был слышен характерный треск пожара. Михаил, успев надеть брюки, выглянул из спальни. На первом этаже в гостиной вовсю полыхал огромный костер. Анна Петровна впопыхах накинула на голое тело халат, и вместе с управляющим они выскочили на улицу – пожар еще не успел сильно распространиться по дому. Из соседних домов сбежали люди, но не для того, чтобы помогать тушить пожар, а для того, чтобы лишний раз поглазеть на стихию огня и попричитать, делая вид, что страшно озабочены чужим горем. Богатые дома, в том числе и особняк Лагутиной, располагались в Смирновском ущелье, в одном из самых красивейших мест Тарасова. Дальше, на горе, сгрудились дачи людей победнее. К ним по верху вдоль ущелья серпантинном пролегла дорога. Из проезжающих изредка машин высывались пассажиры, чтобы полюбоваться небывалым зрелищем. Ведь не каждый же день выпадает возможность увидеть, как горит богатая вилла, буржуйский дом.

Лагутина стояла и не произносила ни звука, кутаясь в плащ, предложенный кем-то из соседей, Михаил суетился, бегал, потом вспомнил, что автомобиль Лагутиной, ее лю-

бимый джип «Форд-Экспедишн», стоит во дворе – когда он приехал домой, то почему-то не стал загонять его в гараж, а оставил на улице, – достал из салона мобильный телефон и хотел набрать номер пожарной бригады, но Михаила остановили, сказав, что пожарных уже вызвали.

Анна Петровна не беспокоилась о деньгах и документах, потому что они были спрятаны в нескораемом шкафу, одном из лучших, немецкой фирмы. Что им сделается, тем более что и пожарные прибыли на редкость быстро. Беспокоило и тревожило другое – кому и зачем понадобилось поджигать дом? Почему появилась уверенность в том, что это именно поджог? Да потому, что в последнее время было много звонков с угрозами, но Анна Петровна серьезно на них не реагировала, а это событие заставило ее по-настоящему испугаться.

Михаил держал сотовый в руке, когда раздался звонок. Он поднес трубку к уху.

– Это тебя, Аня, – сказал управляющий Лагутиной, протягивая телефон.

– Меня? – удивилась она. – Кто же может звонить в такой поздний час? Алло, говорите, пожалуйста, я вас слушаю, – сказала спокойно бывшая певица, стараясь держать себя в руках.

Это был мужской голос, баритон, как сразу определила Лагутина – помог профессиональный слух.

– Извините, что беспокою в такой поздний час, Анна Пет-

ровна, но, по-моему, вы пропускаете мимо ушей все наши предупреждения. Вот нам и пришлось прибегнуть к крайним мерам, – звонивший немного помедлил, подбирая нужные слова и стараясь говорить как можно вежливее. – Хотя о чем я говорю, ведь это еще не крайние меры. В следующий раз мне придется звонить уже не вам лично, а вашим родственникам, которые будут забирать ваше восхитительное, но такое холодное тело из морга, и выражать им глубочайшие соболезнования. Вам мой искренний совет – откажитесь от своей затеи.

– Кто это звонит? – закричала было Лагутина. – Какая еще затея, о чем вы говорите? – но в ответ раздались долгие и нудные гудки.

* * *

Кто мог подумать, что после ухода тети Милы этот день выдастся столь щедрым на посещения, я и представить не могла, что столь популярна. Конечно же, в определенных кругах. Сначала меня удостоил своим вниманием мой бывший координатор по безопасности проводимых громких мероприятий Сенцов со своей ватагой сорванцов в черных маскировочных костюмах – так я называю эти безвкусные двойки, которые напяливают на себя с завидным постоянством большинство агентов любой службы безопасности. Такая обязательная униформа грозит только мужчинам. Нам,

женщинам, немного проще: легкий, свободный брючный костюм – и никаких особых проблем не испытываешь, в движениях не стеснена.

Разговор с Сенцовым был серьезен, а угрозы настолько легковыполнимы – для Сенцова не составит большого труда осуществить задуманное, – что мурашки побежали бы по всему дрогнувшему телу неподготовленного человека, но только не по моему. Я не раз смотрела опасности, да что там опасности, смерти в лицо, что меня просто так на испуг не возьмешь. А что еще можно было услышать из уст стареющего, профессионального когда-то охранника – только обвинения в предательстве и халатном отношении к порученному заданию. Он говорил банальные вещи: и то, что сотрет меня в порошок, и то, что заставит признаться во всех грехах человечества, и то, что затаскает по судам. В общем, стандартный набор отрепетированных заранее фраз. Другой на моем месте уже давно бы сник и стушевался, но я обвиняла Сенцова в том же самом и настаивала на своей версии недавних событий. Так и не придя в конце концов к обоюдному согласию и обменявшись любезностями, мы разошлись: я в свою палату, а Сенцов поехал осуществлять свои коварные замыслы и планы в отношении меня. По крайней мере, я так думаю, вернется он не скоро, и мне не придется, слава богу, видеть в течение некоторого времени его мерзкой физиономии.

А потом меня посетил следователь из областного управ-

ления внутренних дел. Во время моего пребывания в клинике это был его третий визит. Он задавал пространные вопросы не по существу, совсем не касающиеся данного дела. Спрашивал, давно ли мне выдали лицензию телохранителя, давно ли я вращаюсь в сфере охранного бизнеса, вручил мне повестку – я должна была явиться через неделю – и удалился, вежливо извинившись за причиненное беспокойство. Теперь у меня голова была забита тем, как лучше сгруппировать свои выводы и предположения, как отвечать на вопросы следователя, а главное – что отвечать? Я, выпроводив очередного визитера, надеялась, глупая, что удастся хоть немного отдохнуть, но не тут-то было. Время посещения закончилось, но мне передали, что мной интересовались двое каких-то парней. Вахтерша описала мне их внешность, да только как-то расплывчато, и я понятия не имела, кто бы это мог быть. Правда, тотчас поднявшись на этаж, где находилась моя палата, попыталась разглядеть их из окна, но в надвигающейся темноте заметила лишь две фигуры, поспешно удалявшиеся от здания больницы.

Сегодня же, 31 октября, ровно неделю спустя все события того дня отчетливо вырисовывались перед моим мыслимым взором, как никогда ясно всплыли из глубин памяти. Я сижу в кабинете следователя и вот уже около двадцати минут ожидаю его появления. Глядя в окно на хмурое осеннее небо, немного успокаиваешься. Приходится смириться со своей незавидной участью, потому как понимаешь в этот

момент, что кому-то сейчас еще хуже, чем тебе. Но, обдумав все как следует, приходишь к выводу, что хуже уже некуда. Обшарпанные стены кабинета – неужели у них не хватает денег на элементарный косметический ремонт? – нагоняют скуку, отнюдь не настраивая на теплое общение и дружескую беседу с хозяином этого помещения. А так хочется заботы, ласки и понимания, чтобы чья-нибудь сильная мужская, может, даже и волосатая, рука обняла тебя за плечи. Ага, сейчас, как же. Люди, понимаешь ли, из сил выбиваются, чтобы быстрее выйти на след заказчика, а она тут нюни распускает!

«Ну хватит, хватит», – подумала я. Что-то меня уж очень занесло. Можно сказать, не на шутку потянуло на юмор. Это так – маленький каламбур. Но, поверьте мне, от этой тоски зеленой можно завывать волком и кинуться в окно. И вот в ту секунду, когда я уже представила себе все это, дверь распахнулась, и в кабинет стремительно вошел мужчина лет сорока пяти, высокий, немного полноватый – но это даже ему шло.

– Старший следователь Сухов, – быстро представился он и буквально с лету плюхнулся в свое кресло. – А вы Охотникова Евгения, – сказал он, все также молниеносно доставая из футляра очки.

– Она самая, собственной персоной, гражданин начальник, – попыталась я немного разрядить обстановку перед серьезной беседой, но Сухов явно не был расположен шутить.

– Юморить будем потом, а сейчас нам предстоит совсем не шуточный разговор.

Я понимающе кивнула головой и стерла как можно быстрее с лица улыбку, оказавшуюся совсем не к месту и не ко времени. Затем он раскрыл папку с делом, которую принес с собой, и стал перелистывать не спеша материалы, все время что-то бормоча себе под нос.

– А что случилось со следователем, который вел дело до вас? – поинтересовалась я. Меня действительно занимал этот вопрос, я бы даже сказала, немного беспокоил.

Сухов взглянул на меня поверх очков, на минуту оторвавшись от своего занятия, и ответил:

– Его отстранили от ведения расследования, – ответ был исчерпывающим, по его представлению. Потому что он ничего к этому не добавил, а лишь снова углубился в чтение документов. Меня эта отмашка с его стороны не устраивала, и я задала еще один вопрос:

– Он чем-нибудь не угодил начальству? В чем-то провинился?

Старший следователь захлопнул папку и уставился на меня. После непродолжительной паузы он произнес:

– Не будем вдаваться в излишние подробности. По-моему, с вас уже и так достаточно информации по этому поводу, – вежливо и мягко поставил он меня на место.

– Хорошо. Не будем, так не будем, – развела я в недоумении руками, а потом спросила: – Меня в чем-либо обвиняют, или я приглашена в качестве свидетеля?

– Голословные обвинения в ваш адрес со стороны госпо-

дина Сенцова... – Сухов постучал пальцами по столу, отвернулся от меня и уставился в окно, затем продолжил: – Мы не воспринимаем. Вас пригласили в качестве свидетеля. Может быть, – пока как свидетеля, дальнейший ход дела покажет, – следователь провел ладонью по своим редеющим волосам, встал из-за стола и, подойдя к окну, сложил руки на груди. – Вы единственный человек, – продолжал он говорить не спеша, – который остался в живых после встречи с убийцами. Сможете ли вы при удобном случае опознать их?

Я, не задумываясь, выпалила:

– Конечно, смогу! Они расстреливали нас практически в упор. Что же я, по-вашему, не разглядела их мерзких и тупых рож? Я видела одного из них, ну вот практически... как вас, – и я показала рукой расстояние от меня до окна.

Затем были вопросы о том, не встречала ли я их когда-нибудь до этого происшествия, не заметила ли чего-нибудь подозрительного по пути к грузовому лифту и так далее и тому подобное. Мы беседовали около получаса.

Затем он поблагодарил меня за сотрудничество и, извинившись за причиненные беспокойство и неудобство, уже было попрощался. Я почти находилась около двери, когда Сухов остановил меня, вспомнив еще кое-что.

– Ах да, совсем забыл, – начал он. На его лице вдруг появились печаль и озабоченность, как бывает, когда хотят сказать пренеприятные известия. – Лицензионная палата отозвала ваше разрешение на ведение частного охранного биз-

неса. Кажется, там выявили кое-какие нестыковки при заполнении вами налоговой декларации. Большие недочеты с вашей стороны. Стоит заглянуть в налоговую инспекцию.

Это известие привело меня в легкий шок. Сухов успокоил меня:

– Сильно можете не переживать, по-моему, это вседелки старого знакомого вашего, Сенцова. Уж очень ярко он взялся за вас. Думаю, что все несколько раздули и проблем с улаживанием конфликта не будет. Вскоре все выяснится, не без вашего участия, разумеется.

Мне осталось только тяжело вздохнуть и поблагодарить его за слова поддержки и поинтересоваться:

– Спасибо, конечно, что верите мне. Но я еще хотела бы узнать, не отменили ли мне разрешение на оружие: хранение и применение?

– Нет, – Сухов отрицательно завертел головой, – такого распоряжения не выдавалось. Оружие ваше, наградное, – он с уважением посмотрел мне в глаза, – сможете получить на выходе. Давайте я выпишу вам пропуск, – и он потянулся за бланком в стол.

– Ну я пойду, – сказала я, стоя в полной растерянности и получив из его рук пропуск.

– Конечно, ступайте, только не забывайте о нашем разговоре, – предупредил Сухов.

Я плотно прикрыла за собой дверь кабинета и, очутившись в темном коридоре, осталась один на один со своими

тяжелыми думами.

Глава 4

Настроение было основательно испорчено, это известие меня выбило из колеи. Я очень расстроилась, но постаралась взять себя в руки, ведь день еще не окончен, меня ждет встреча с Лагутиной, и поэтому я должна быть в форме, разогнать мрачные мысли ровно к шести часам вечера. В назначенное время за мной должен прибыть автомобиль с личным шофером моей знаменитой приятельницы – я могу с полной уверенностью и полным правом назвать ее таковой. Много раз отец, когда я была маленькой, оставлял меня с Лагутиной, даже во время концертов. Сидя в ее гримуборной и наблюдая за тем, как она готовится к выступлению, я столько раз ловила себя на мысли, что мне это нравится – вся эта жизнь в лучах славы, а также и жизнь за кулисами. Лагутина всегда была честна со своим окружением и со своими поклонниками, никогда не задирала нос, звездная болезнь обошла ее стороной. Она любила повторять, что главное – это быть честным прежде всего с самим собой. Из неуважения человека к себе и проистекают различные комплексы, нежелательные проявления характера и подавленность личности.

Что-то я углубилась в психологию. Почему я не упомянула в разговоре с Суховым о визите ко мне в клинику двух подозрительных субъектов? Да потому, что не уверена в полной мере в том, что это как-то связано с делом о покушении

на бизнесмена. На днях нужно будет заглянуть в налоговую инспекцию. Посмотрим, чем они там занимаются. Должно быть, чем угодно, кроме, собственно, работы. Ничего, поговорим, обсудим, так сказать, и постараемся во что бы то ни стало урегулировать конфликт.

За размышлениями я совсем не заметила, как спустилась вниз, села в машину и с силой захлопнула дверцу своего старенького «Фольксвагена». Этот самый хлопок и привел, должно быть, меня в чувство и вновь соединил с реальностью. Как же я ему благодарна!

Я посмотрела на часы: какой кошмар, половина четвертого! Невезение преследует меня по пятам. Можно подумать, неприятностей с правоохранительными органами мне было мало, а тут еще эта ужасная пробка. Дело в том, что автотранспортное движение остановили забастовщики. Все как полагается – плакаты с агитацией: свержение существующего режима и установление власти рабочих; один из забастовщиков призывал к этому на словах при помощи громкоговорителя, другой ходил между автомобилями и предлагал какие-то листовки, кто-то принимал их из его рук, а кто-то матерился, недовольный своим положением невольной жертвы обстоятельств, и слал этого беднягу куда подальше. А что еще можно ожидать от разъяренных автомобилистов? Сочувствие люди испытывают только тогда, когда не затронуты их личные интересы.

Всего недовольных нынешним режимом было семь чело-

век – пять мужчин и две женщины. Пока их лидер кричал в громкоговоритель пламенные речи, а его товарищ занимался рекламной кампанией, оставшиеся пятеро участников акции, сидя по-турецки на холодном асфальте проезжей части, колотили по нему что есть мочи пустыми железными мисками и кружками. Символизируя тем самым призыв к тому, чтобы наконец-то накормить народ вдоволь, и не пустыми, как эта посуда, словами и обещаниями, а реальным хлебом и мясом. Конечно, я немного утрирую, но суть все-таки остается такой, какой я обрисовала ее здесь в нескольких словах. Призыв явно был адресован к нашему ослепшему и оглохшему правительству.

Я попала в пробку буквально с самого начала сидячей забастовки и теперь могла без труда наблюдать за происходящим спектаклем под открытым небом из окна собственного автомобиля. Впереди меня стояли несколько таких же «счастливиц», как и я. Прибывшая почти сразу же милиция просто наблюдала за всем со стороны и успокаивала, как могла, разбушевавшихся автомобилистов – никому не хотелось тратить свое драгоценное время впустую, да к тому же люди так быстро теряют над собой контроль, когда попадают в безвыходное положение. Милиционерам ничего не стоило взять и убрать митингующих с дороги, но они этого почему-то делать не стали. Старший группы, прибывшей из ближайшего отделения, – он был в звании капитана, мне удалось это разглядеть до того, как он залез в милицейский «УАЗ», –

долго переговаривался по рации: наверняка советовался с начальством и ждал дальнейших указаний.

Неожиданно для меня, да, думаю, и для других, появился конный патруль из трех человек, все были в касках, в милицейском обмундировании, только сапоги были такие же, как у наездников-спортсменов. В общем, смотрелись они довольно внушительно, а резиновые дубинки у них на поясе бились о бедро, словно шашки казаков. Все трое восседали на вороных жеребцах и у одного из жеребцов были белые звездочки на лбу и на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.